виште яко користь разграбляхоу, сльзами сихь окрапляюште цѣливахоу, яко исцѣление кь очима прилагаахоу, и паче врѣдь подьемахоу» (ЖС, 43). В данном примере наряду с гомойотелевтом представлен также исоколон с парисоном.

В Житии св. Симеона, написанном Доментианом, имеется и основа, которую, по нашему мнению, потом разработал Епифаний Премудрый в свой известный полиптот: «Единъ чрьнець сложилъ, единъ составилъ, единъ счинилъ, един калогеръ, единъ мнихъ». Это: «Единь оть рода своего вьсе троуды и теготы подье о старости прѣподобьнааго, единь о единомь троуждае се беспрѣстани, единь единомоу прѣдьстое дьнь и ношть, единь единаго прѣжде праве кь небесьныимь, единь единомоу пакы чьсть и славоу вьсылае на земли, единь пакы сь единѣмь выше силы прослави се на небеси и на земли, и единь выше рода вьсего живе на земли ни единь дьнь не сьтвори воле своее» (ЖСиС, 91). Епифанию, правда, образцом и исходной точкой могло послужить и предложение из трактата Черноризца Храбра «О писменах»: «...а словѣнскы книгы единъ стыи Констинъ, нарицаемыи Кирилъ, и писмена створи и книгы прѣложи».[31] Если, однако, не пренебречь мнением А. В. Соловьева,[32] что Епифаний Премудрый во время своего пребывания на Афоне мог познакомиться с сербскими житиями (на что уже указывал и Голубинский), то не будет трудно допустить, что приведенное выше место из произведения Доментиана побудило Епифания «извить» его еще лучше. Во всяком случае, данное «извитие» Доментиана могло послужить средним звеном становления епифаниевского полиптота с «един».

Стилистические приемы, которыми пользовались сербские книжники XIII и начала XIV в., не столько служили ясности повествования, сколько затуманивали смысл сказанного ими. Такое повествование, перенасыщенное повышенной эмоциональностью, действовало на читателей (кажется, что оно было рассчитано в первую очередь на слушателей) не столько логикой изложения, сколько общим стремлением авторов пленить тех, для кого они писали, таинственностью многозначности, заколдовать их аллитерациями и ассонансами, ритмическою упорядоченностью речи и звуков, повторяющихся в определенном порядке. Эти повторения как прием Доментиан перенял у Илариона Киевского; у Доментиана же учились и Феодосий и Данило, которые, находясь на Афоне, могли легко познакомиться и с произведениями Илариона и Кирилла Туровского.

Интересен по своей комплексности приемов плетения и извития словес плач Данилы над телом короля Милутина: «...и сь вьсеосвештеныи епископь Даниль благосрьдьныи плачь вьсприемь, и тако поврьгь се на тѣло сего блаженааго жалостьно плаче се глаголааше: „О охь мнѣ, сладькыи мои господи, почьто вьскорѣ разлоучи се оть нась пастыроу добрыи и хранителю нашь. *Блажоу* много прѣсвѣтлое лице твое озаршее се оть прѣсветааго доуха ... *Блажоу* доброглаголиевыи языкь твои, на ньже сладость доуха светааго излия се; *блажоу* златозарьнѣи твои очи иже сь милостию на ништее и оубогые вьзирааста; *блажоу* прѣочистоваиѣи твои роуцѣ ... *блажоу* нозѣ твои ходивьшии на незаблоудьные поути еже кь ништиимь и маломоштьныимь богоугодьнааго даяния; *блажоу*, о прѣблажене, и богоизбраныи дьнь покоя твоего; вь истиноу *блажоу* и прѣчьстьныи храмь, вь немьже изволи се положити боголюбьзьное тѣло твое“» (ЖКиАС, 156—157). В этом плаче семь раз повторяется слово «блажу», после которого следуют определения к дополнениям, точнее к общему

---

[31] Josip Hamm. Čitanka starocerkvenoslavenskoga jezika. Zagreb, 1947, стр. 68.
[32] Соловьев, стр. 105.